

СКАЖИ МНЕ, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ, И Я СКАЖУ, КТО ТЫ

Беседа эта — не результат лишь одной встречи с писателем. Вардгеса Петросяна я знаю давно по книгам, а в последние годы узнал и лично. Приходилось его видеть разным — озабоченным, радостным, возвышенно-романтическим, колючим, язвительным, но никогда равнодушным. Поистине стиль — это человек. Единство творца и творений наилучшим образом свидетельствует о цельности писателя, о том, что слово прямо и точно приравнено к делу.

С этого и началась беседа с первым секретарем правления Союза писателей Армении, депутатом Верховного Совета СССР Вардгесом Амазасповичем ПЕТРОСЯНОМ.

— Принято говорить: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Я за другой афоризм: скажи мне, что ты сделал, и я скажу, кто ты есть. Более всего человека характеризует труд, ибо в этой сфере проявляется его отношение к людям, обществу, в котором он живет.

Лет тридцать тому назад я работал в молодежной газете. Однажды по письму выехал в село Хохб Ноемберянского района. Там случилось несчастье: спасая ребенка, умер сельский врач Николай Насибян. В дождливую ночь, с высокой температурой доктор поскакал на лошади к больному мальчику. Насибян мог этого не делать, но во имя ребенка он пошел на самопожертвование.

Когда я приехал в село, врача уже похоронили. На камне начертали: «Помните и чтите этого благородного человека. Более всего он любил людей и ценил честность». На могилу провели свет, теперь он горит всегда. Это не просто символ. Доктор Насибян всегда оставлял в кабинете на ночь включенную лампочку. Он считал: больной должен быть уверен, что я никогда не сплю, он должен верить в мою постоянную готовность, в любое время суток откликнуться на зов. Эти мысли я нашел в его дневниках.

Около месяца провел я в селе, беседовал с близкими Насибяна, с людьми, знавшими его, и в итоге родился документальный рассказ «Последняя ночь». По сей день меня не перестает удивлять целостность человеческой памяти на добро. Помнится, как быстро записная книжка наполнялась рассказами, правдивыми легендами сельчан о докторе. Вот тогда я понял, что созданная людьми легенда о враче Насибяне — высочайшая разновидность правды.

Я часто мысленно возвращаюсь к подвигу сельского врача. Люди с чистой совестью, высокого духа делают население народом, а пространство, территорию, на которой живут, — Родиной.

— Как-то у одного мыслителя я встретил высказывание, что нужно либо делать то, о чем стоит писать, либо писать то, что стоит прочесть. Счастлив писатель, которому удастся сочетать оба требования...

— ...И в связи с этим я вспоминаю Стендаля, Герцена, Микаэля Налбандяна, Льва Толстого, Чехова... Может, это нравственный максимализм, но мне кажется, писатель должен быть лучше своих книг. Он воспитывает читателей на примере своих героев, а героев наделяет высокими моральными свойствами. Он прислушивается к голосу сердца. Иной раз строчки мнятся мне кардиограммой. Любимый медик скажет вам, что сердце — группа мышц. Но я думаю, что сердце это еще страсть, любовь и ненависть, своеобразный счетчик Гейгера, моментально реагирующий на малейшую радиацию безнравственного. Мы пишем и говорим об охране окружающей среды, нехватке кислорода. Человечество сейчас более всего нуждается в доброте, ею одаряют нас искусство, литература.

Спешу творить добро! Архитектор Рафо Исраэлян впервые соорудил — это было во время войны — родник-памятник в честь погибших бойцов. Простой мастер-каменотес из Кировакана построил таких родников десятки. Однажды я утолил жажду из родника, на котором было аккуратно высечено: «Анаиде от одноклассников».

В удивительном детском городке в Тбилиси, рожденном мечтой Нодара Думбадзе, армянские писатели, архитекторы, строители задумали построить традиционный родник из нашего камня — из нашей любви. На нем будет надпись: «Детям Грузии от армянских братьев Нодара». Вы представляете, как это будет прекрасно!

— Вода в оправе любви — это, наверное, пришлось бы по душе Нодару Думбадзе...

— Он был щедрым человеком, высоко ценил доброту, положительные свойства нату-

ры, в том числе и трудолюбие. И это естественно: трудолюбивый человек ощущает постоянную потребность в творчестве, а бы сказал, некий зуд руки. Они всегда в поиске, что-то хотят выточить, доделать, подправить... Сколько я помню, моя старенькая бабушка вечно работала — по дому, в огороде, на поле. Право, иногда думается, что скончалась она от того, что три дня пролежала в постели — не трудилась.

И для нас, творческих работников, обращение к физическому труду — тоже благо. Замечательный армянский поэт, неистовый мастер слова Паруйр Севак говорил мне, что многие его стихи рождались в момент, когда он работал в саду или строил, возводил стены. Именно в минуты работы он отключался от второстепенного, наносного, мешающего творчеству. Очищался. И приходило вдохновение.

— То есть человек выходил на свидание с собственной мыслью?

— Пожалуй, да. Лень никогда не плодотворила. В том числе и душевная. Цитирую по памяти Заболоцкого: не позволяй душе лениться, душа обязана трудиться!

— И сопереживать, сочувствовать... В этом смысле мне как читателю интересны нравственные уроки ваших «Армянских эскизов» — своеобразных набросков к большому эпическому полотну.

«Армянские эскизы» для меня, автора, — внутренние родники творчества. Они родились там, где мысль доставляла радость и боль, печальную заботу и удивление. Есть страницы, написанные в гостиничном номере далекого континента, в купе поезда, в поездках по родной стране. Каждый эскиз мне дорог по своему, как желание сердца, как диктат — не побоюсь эстетов — текущего дня. Перечитывая какую-нибудь новеллу на, так сказать, остывшую голову, я вдруг обнаруживаю запальчивость мысли. Однако — это уже взял за правило — не дописываю и не выглаживаю складки. Ведь порой логика любящего сердца дороже логики холодного разума.

ПЕРЕФРАЗИРУЮ СТЕНДАЛЕВСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ, скажу, что «Армянские эскизы» для меня — маленькие чистые зеркала на разных дорогах жизни...

Произведения Вардгеса Петросяна, на мой взгляд, объединены неким внутренним единством, отмечены, если можно так выразиться, преемственностью гражданской, нравственной позиции автора. В этом смысле трудно не согласиться с писателем Михаилом Алексеевым, метко подметившим, что все его произведения — будь то роман, повести, рассказы, эссе — в сущности, те же эскизы, те же «тщательно отделанные резцом талантливого мастера заготовки к тому же единственному портрету, который называется все тем же прекрасным и возлюбленным именем — Армения»...

Что думает об этом сам писатель?

— Но в портрет моей Армении я добавил несколько горестных, озабоченных что ли штрихов: сильная миграция сельского населения, начавшаяся не сегодня и не вчера, пустующие горные и предгорные армянские деревни долгое время не давали мне покоя. Виделось в этом факте сплетение важных проблем экономики и нравственности. Я написал роман «Одинокая орешина». Родился он непросто, я долго изучал проблему, встречался с сельскими жителями, партийными, советскими работниками, ездил в опустевшие деревни. На первый план выдвинул нравственные вопросы: преданность родной земле в любых обстоятельствах, чувство патриотизма, которое в исключительных ситуациях обо-

стрется. Отрадно, что усилиями республиканской партийной организации, правительства Армении, решительными экономическими мерами удалось приостановить тревожную тенденцию. Более того, судя по свежим данным, численность сельского населения растет.

— Насколько мне известно, роман на актуальную, жизненную тему заинтересовал кинематографистов.

— Да, сейчас готовится к съемкам фильма по роману «Одинокая орешина» режиссер народный артист СССР Фрунзик Довлатян. Он же является соавтором сценария вместе с Арнольдом Агабабовым. Мне приятно, что работают они в тесном контакте со мной и глубоко прониклись идеей книги.

— Каковы ваши взаимоотношения с театром? Кажется, вы охотно пишете для сцены...

— Ошибаетесь...

— Но постановки «Армянских эскизов», «Последнего учителя»...

— Это другое. Честно говоря, я всего лишь раз писал специально для театра по просьбе нашего замечательного режиссера, Героя Социалистического Труда Вардана Аджемяна. По его настоянию я написал пьесу «Тяжела ты, шапка Гиппократ». А те произведения, о которых вы упомянули, являются инсценировками народного артиста СССР, моего большого друга Рачия Капалаяна. В общем-то, я не равнодушен к театру. Никогда не забуду премьеру «Шапки Гиппократ», кажется, у меня не было более сильного переживания. Прозак не видит человека в момент, когда тот читает его книгу. Другое дело драматург, он вочию видит реакцию зрителя и ждет приговора тысяч присяжных.

— Я помню, несколько лет назад вы предложили создать в Москве театр «Дружба», на сцене которого ставились бы спектакли по произведениям национальных драматургов.

— Подобное предложение исходило и от других писателей. Речь идет не только о том, чтобы на московской сцене играть пьесы драматургов народов СССР. Это, между прочим, и теперь делается. Хотелось бы видеть театр, где осуществляют постановки лучшие режиссерские силы из разных республик, куда приглашались бы талантливые актеры, художники, сценографы со всех концов нашего Союза. Такой театр активно способствовал бы дальнейшему взаимообогащению и взаимовлиянию театральных культур нашего многонационального искусства. Достижения национальных театров стали бы общим достоянием. Более того, столичный зритель получил бы возможность приобщиться к поискам и находкам режиссеров, а последние в свою очередь — испытать талант на московской сцене.

— Известна ваша особая приверженность публицистическому жанру. Недавно в издательстве «Советский писатель» вышел сборник публицистики и документальной прозы «Цвет добра и надежды», куда вошли ваши публикации почти за тридцать лет. Что вы испытывали, общаясь с выступлениями далеких лет?

— Поначалу, готовя сборник, я хотел было вписать отдельные «кусочки» в старые статьи и очерки. Но потом все оставил, как было. Эти публикации дороги мне по сей день, как дороги первенцы, как дороги собственные заблуждения, поиски, ошибки и находки.

Ведь если отречься от прошлого, от себя отвернется будущее.

Кое-кто считает публицистику жанром второстепенным. По мне публицистика — разведчица литературы, ибо благодаря ей в слове воплощаются многие явления нашей действительности. Разумеется, злободневные проблемы горячи, но не следует бояться обжечь о них руки.

Любой журналистский абзац имеет свою биографию. Но каждое ли литературное произведение имеет свою биографию? Мало ли читаем мы книг, где все придумано, где подобие правды выдается за саму жизнь.

Конечно, задачи современного публициста сильно усложнились. Теперь на одном энтузиазме далеко не уедешь. Нужны глубокие знания по экономике, социальной психологии.

С удовольствием признаюсь: многие мои книги родились из будничного материала, на горячем факте жизни. Я благодарен судьбе за то, что она меня на всю жизнь породнила с журналистикой.

— Наверное, нашим читателям интересно знать, над чем вы работаете?

— Пишу роман, условный заголовок «Пустые стулья на дне рождения». Он о судьбе одной армянской семьи. Главным его героем — писатель, журналист. Там много из личного опыта.

Беседу вел
И. ВЕРДИАН,
наш соб. корр.

ЕРЕВАН.

● Вардгес Петросян.

Фото С. Тигранян.